

АСИММЕТРИЧНЫЙ КОНФЛИКТ КАК НЕМАТЕМАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Дериглазова Л.В. Асимметричные конфликты: уравнение со многими неизвестными. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. – 284 с.

Рецензия – Екатерина Степанова

Теоретическое изучение асимметричного насилия сосредоточено на исследовании разных видов вооруженного противостояния более слабых оппонентов значительно более сильным. Катализатором таких исследований стала собственно **теория асимметричного конфликта**, формально ведущая отсчет с работы Э. Мака¹, публикация которой совпала с бесславным окончанием американского военного вмешательства во Вьетнаме (1975 г.).

При всей важности таких проблем, как поиск причин и условий, при которых слабые игроки вступают в противостояние с более сильными, а также попытки объяснить тот или иной *исход, результат* асимметричного конфликта, они носят, скорее, второстепенный характер по сравнению с первичными, базовыми вопросами, связанными с понятием асимметрии в вооруженном конфликте. Наибольшее внимания заслуживают как минимум три таких вопроса, которые отталкиваются от уже накопленного объема знаний об асимметричных конфликтах, но в которых, несмотря на то, что теория асимметричного конфликта развивается уже четвертое десятилетие, до сих пор нет ясности.

Первый вопрос: кто основные участники асимметричного конфликта и как состав участников таких конфликтов менялся во времени – по крайней мере, в период с окончания Второй мировой войны вплоть до наших дней? Классическая литература по асимметричным конфликтам (Э. Мак, Т. Пол, Р. Томпсон, И. Аррегин-Тофт, Дж. Рекорд) долгое время была сосредоточена на войнах между государствами и на крупных антиколониальных войнах, которые в основном завершились к концу 1970-х гг.² И это несмотря на то, что асимметричные конфликты с участием негосударственных акторов, не связанных с антиколониальной борьбой, уже в 1980-е гг. были не менее распространены, чем асимметричные конфликты других типов, а в 1990-е–2000-е гг. стали абсолютно преобладать. Лишь в начале XXI в. природа асимметрии в конфликтах с участием негосударственных игроков стала привлекать повышенное внимание, в том числе со стороны военных аналитиков (Дж. Нагл, Д. Петрэус)³. Хотя это не значит, что конфликты такого рода до этого не изучались, теоретики *конфликтов низкой интенсивности, партизанских войн* и т.д., для которых конфликты с участием повстанческих формирований всегда были главным объектом исследования, не обязательно ставили во главу угла проблему асимметрии. О том, что состав участников асимметричного конфликта продолжает *обновляться* и в XXI в., свидетельствует, например, новый феномен транснациональных сетевых движений, противостоящих, в том числе вооруженным путем, государствам, объединениям государств и т.д.

Второй вопрос связан с тем, что стартовая, традиционная трактовка асимметрии как значительного военно-силового превосходства одной из противоборствующих сторон, конечно, далеко не полно отражает суть любого асимметричного конфликта. Она особенно не адекватна абсолютно преобладающему в начале XXI в. типу асимметричного конфликта – противостоянию между государством (группой государств) и негосудар-

ственной группировкой (в том числе транснациональной сетью). Попытки свести такую асимметрию к военно-силовым и вообще исключительно к исчисляемым параметрам и количественным показателям малоудовлетворительны, а попытки дополнить силовую асимметрию нормативно-правовой (наличием или отсутствием государственного статуса) недостаточны. Если бы дело было только в этом, то ничто не мешало бы качественно превосходящей в военном отношении стороне, особенно если она еще и обладает международно признанным политико-правовым статусом, в пух и прах разгромить более слабого оппонента. Между тем, многие асимметричные конфликты носят затяжной характер без видимых признаков военного разгрома, а некоторые даже приводят к парадоксальному поражению более сильной стороны. Отсюда вопрос: какие другие критерии, помимо военно-силового и статусного, характеризуют и определяют асимметрию в конфликте?

Наконец, **третий вопрос** отчасти связан с растущим признанием, вслед за практиками от Мао Цзэдуна до стратегов противостояния коммунистическим повстанцам в Британской Малайе Х. Бриггса и Дж. Темплера в 1950-е гг., решающего значения *фактора поддержки со стороны местного населения* для победы более слабой стороны в асимметричном конфликте. Этот фактор приобрел особую актуальность в контексте интернационализированных конфликтов последнего десятилетия с участием вооруженных сил иностранных государств, особенно на фоне провалов контрповстанческой стратегии США в Ираке и Афганистане. Осознание решающей роли этого фактора легло в основу целого ряда контрповстанческих стратегий и доктрин, от подрыва социальной базы повстанцев за счет приоритета правоохранительного подхода над военными решениями и завоевания «сердец и умов» (Р. Томпсон)⁴ до стратегии «защиты населения» как одной из основ американской контрповстанческой доктрины начала XXI в. («доктрины Петрэуса»)⁵. Однако если нет сомнения в том, что массовая поддержка со стороны населения является обязательным и даже решающим условием *победы* более слабой стороны в асимметричном конфликте, то развязывание и/или продолжение такой стороной асимметричной конфронтации, в том числе в течение длительного времени, возможно и без *значительной социальной поддержки* его целей и программы. Соответственно, даже те государственные стратегии участия в асимметричных конфликтах, которые предполагают широкий набор мер с целью лишить повстанческие силы поддержки со стороны населения, могут помочь не допустить их победы в конфликте, но совершенно не гарантируют прекращения асимметричного противостояния как такового. Соответственно, важно не только определиться с участниками асимметричного конфликта и критериями асимметрии в конфликте, но и найти ответ на третий вопрос: какие характеристики и условия позволяют даже тем вооруженным акторам, которые *не имеют* преобладающей, массовой поддержки среди населения, бесконечно долго вести асимметричное вооруженное противостояние в отсутствие решающего исхода?

Любая современная концепция асимметричного конфликта, претендующая на его самостоятельную теоретическую интерпретацию, должна внятно ответить хотя бы на эти три базовых вопроса. Это позволит дать содержательную трактовку асимметрии в конфликте и выявить сравнительные преимущества не только (и не столько) более сильной, но и *более слабой*, в смысле военно-силового потенциала, стороны.

В российской академической литературе проблематика, связанная с теорией асимметричного конфликта, освещена довольно слабо. Тем большее внимание на этом фоне заслуживает первое в отечественной исторической науке исследование в этой области, опубликованное томским историком Ларисой Дериглазовой в 2009 г. – «Асимметричные конфликты: уравнение со многими неизвестными». Уподобление соотношения противоборствующих сторон в асимметричном конфликте *уравнению* как сугубо математической категории – а тем более вынесение этой аналогии в название книги – логически подразумевает приоритет рациональных и преимущественно исчисляемых параметров асимметрии. Однако круг реально затронутых в книге вопросов и интерпретаций асимметричного конфликта шире этих искусственных рамок.

В том, что касается теории асимметричного конфликта, наиболее сильная сторона книги и ее главная ценность – это тщательно проведенное, а во многом даже образцовое историографическое исследование (см. главы 1 и 3). При обилии обзорных исследований

по асимметричным конфликтам в зарубежной, особенно англоязычной, литературе последних лет, в отечественной науке это первый серьезный историографический анализ концепций и теорий по этой проблематике. Работа содержит вдумчивый и критический обзор пусть и не всех, но основных направлений в литературе (преимущественно англоязычной и отчасти российской/советской) по тематике, связанной с разными типами конфликтов второй половины XX в. Эти типы конфликтов объединены тем, что в них участвуют разные по «статусу, ресурсам, интересам, применяемым стратегиям и тактикам» (с. 61) противники. Из комплекса проанализированной автором литературы отмечу работы по причинам и общим тенденциям в развитии вооруженных конфликтов в послевоенный период (§1.1), выборочный, но достаточно репрезентативный обзор трудов по теории асимметричного конфликта (§1.2) и критический анализ предлагаемых в этих трудах признаков и интерпретаций асимметрии в рамках силового, парадоксального, статусного (политико-правового) и тактико-стратегического подходов (§1.3), которые, следует добавить, нередко сочетаются в работах одних и тех же авторов (например, И. Аррегина-Тофта). Интересен и краткий, но емкий обзор научной и специальной литературы по партизанским войнам в третьей главе (с. 196–216).

Подробный обзор литературы, однако, не избавляет автора от логического противоречия в избранном тематическом фокусе и понятийном аппарате книги. Это противоречие состоит в том, что автор, с одной стороны, подробно рассматривает литературу и статистику по максимально широкому спектру асимметричных конфликтов – так, как они в основном определяются в современной литературе, т.е. с учетом статусной и военно-стратегической асимметрии (и связанным с ней несоответствием ресурсов, тактик и стратегий). Это конфликты с разным составом участников и разным исходом, включая как те, в которых одерживает верх более сильная сторона, так и те, где победа оказывается на стороне более слабого противника (к ним можно добавить асимметричные конфликты, которые могут длиться бесконечно долго без выраженной тенденции к победе или поражению одной из сторон). С другой стороны, автор одновременно пытается искусственно ограничить определение (!) и спектр асимметричных конфликтов только теми, в которых: а) участвуют *великие державы* (т.е. ведущие западные страны и, надо понимать, крупные региональные державы) и б) эти державы непременно проигрывают более слабым игрокам (с. 23 и далее). При этом термин «асимметричный конфликт» одновременно применяется в работе и ко всем конфликтам первого типа, и более узко – к конфликтам второго типа, что вносит элемент сумятицы и не облегчает, а затрудняет концептуализацию изучаемого феномена.

Общепозитивистский настрой автора диктует не только использование ею данных статистики, но и достаточно высокую степень доверия к ним. Особо следует отметить краткий обзор баз данных по конфликтам при основном внимании к базам данных по конфликтам Уппсальского и Гейдельбергского университетов (с. 50–70), а также сводную таблицу конфликтов за 1945–2006 гг. в приложении 3 (с. 270–282), составленную на основе этих двух баз данных. Эти материалы весьма полезны, хотя это не является первым в российской литературе обращением к статистике ведущих баз данных по конфликтам, а Уппсальская программа данных о конфликтах (УПДК) известна отечественным специалистам достаточно давно, в том числе по обновляемым выборкам данных, ежегодно переводимым на русский язык⁶.

Нельзя сказать, что автор некритично подходит к используемой статистике и ждет от нее слишком многого. Она, например, признает, что формальный анализ статистики не позволяет сделать вывод о том, как использование асимметричных стратегий борьбы влияет на ее конечный исход (с. 85). Автор понимает, что работа с базами данных «может быть только начальным этапом для проведения исследования с использованием качественных и количественных методов», дабы «избежать ошибок [...] и необоснованных обобщений» (с. 102), подчеркивая, как «трудно «ухватить» проявление феномена [асимметрии] через фиксацию его однообразных проявлений в базах данных» (с. 217). Тем не менее, работа со статистикой в книге иллюстрирует некоторые проблемы, которые связаны не только с абсолютизацией и неполным использованием баз данных, но и с проблемами в методологии самих баз данных. Приведу два примера.

Автор, в частности, тратит много сил на статистическое доказательство того, что асимметричные конфликты в послевоенный период вплоть до 2009 г. преобладали над симметричными (§2.2). Справедливости ради отмечу, что такое преобладание очевидно всякому, кто хотя бы минимально знаком с базовой статистикой по конфликтам с участием государства: для этого достаточно даже беглого взгляда всего на один, многократно растиражированный график Уппсальской программы, показывающий явное преобладание внутригосударственных конфликтов над межгосударственными во второй половине XX – начале XXI в.⁷. Так как в тех внутригосударственных конфликтах, которые учитывает эта база данных, государству всегда противостоит негосударственный актор, такие конфликты асимметричны по статусу (и, как правило, по ресурсам).

Степени корректности этого вывода для периода 2000-х гг. хорошо иллюстрирует следующее. Если ограничиться данными УПДК и других баз данных только по конфликтам с обязательным участием государства (любого государства, а не только более или менее *великой* державы) в качестве хотя бы одной из сторон, то почти все конфликты последнего десятилетия – асимметричные (так как носили внутригосударственный характер). Показательно, что, когда те же uppsalskie специалисты решили посчитать конфликты между негосударственными игроками *без участия государства* (создав отдельную базу данных, для начала для 2000-х гг.), выяснилось, что число таких конфликтов в мире в начале XXI в. было вполне сравнимо с числом конфликтов с участием государства⁸. Такие негосударственные конфликты в основном носят *симметричный* характер (по статусу и, в большинстве случаев, по ресурсам). Если их учесть, то реальная итоговая картина о соотношении асимметричных и симметричных конфликтов, по крайней мере, в 2000-е гг. будет *существенно* скорректирована. То, что данные по таким конфликтам не собирались в послевоенный период, не прибавляет точности статистическим выводам, составленным без их учета.

Упрощенный и выборочный подход к работе со статистикой сказывается и на подсчете автором соотношения использования террористических методов и конфликтов за послевоенный период. В отсутствие качественной статистики по терроризму за период до 1970 г. вряд ли кто-либо вообще может рассчитывать получить корректное соотношение терроризма и асимметричных конфликтов для периода с 1945 г. до наших дней. При этом, хотя используемая автором база данных УПДК по конфликтам не выделяет акты и кампании терроризма (с. 78), в последние три десятилетия XX в. теракты достаточно подробно учитывались в специализированных базах данных по терроризму, а крупные теракты и террористические кампании присутствуют и в статистике УПДК – только не в выборке по конфликтам, а в базе данных по одностороннему насилию против гражданского населения за два последних десятилетия. Анализ этих данных УПДК показывает как раз чрезвычайно высокий уровень корреляции конфликтов и насилия, первичной мишенью которого являются некомбатанты, в том числе терроризма (88% всех кампаний одностороннего насилия против гражданского населения и 99% убитых в результате такого насилия за период с 1989 г. пришлось на зоны конфликтов)⁹.

Эти примеры лишь бегло иллюстрируют то, что, с одной стороны, работать с базами данных, конечно, надо – а если речь идет о глобальных тенденциях, то это единственный способ выявить такие тенденции на мало-мальски научной основе, – но делать это следует предельно осторожно, ясно понимая связанные с ними ограничения¹⁰. Например, не следует рассчитывать на универсальность и убедительность выводов и сопоставлений, сделанных на основе анализа менее качественной статистики просто потому, что, например, более качественная статистика недоступна для всего выбранного автором исследования периода (хотя и существенно меняет представление о более поздних этапах этого периода).

Главная слабость рецензируемой книги – в какой-то мере обратная сторона ее основной сильной стороны – состоит в отсутствии концептуальной четкости и в слабости и приглушенности собственных содержательных выводов автора относительно *сущности* изучаемой проблемы, а не просто существующей академической и специальной литературы по разным ее аспектам. Собственно, реальный исследовательский вклад автора сводится к некоторым выводам о количественных параметрах асимметричных конфликтов на базе статистики. При этом значительная часть таких выводов либо предельно баналь-

на (например, о «преобладании асимметричных конфликтов над симметричными» или о том, что слабой стороне чаще удается достичь победы в асимметричном конфликте, когда на ее стороне – вооруженное вмешательство великих держав (с. 86)), либо «не выявляет общей закономерности» (с. 101), что, кстати, бесполезно (отсутствие закономерности – тоже вывод). Выбранные автором для качественного исторического анализа в главе 3 *case-studies* (распад Британской империи и война в Ираке 2003–2009 гг.), скорее, отражают традиционный описательный подход, чем содержательное исследование природы и проблемы асимметрии между противоборствующими сторонами (даже если предельно сузить спектр асимметричных конфликтов, ограничив его только теми, в которых так называемые великие державы противостоят более слабым противникам).

Если вернуться к трем базовым вопросам о сути асимметрии в конфликте, которые заданы мной в начале этой статьи, то, например, на основе первой и отчасти третьей глав книги вполне можно составить беглое представление о некоторых вариантах ответов на эти вопросы в существующей научной и военно-стратегической литературе. Однако сам автор рецензируемой книги не дает логичного, самостоятельного и инновационного ответа ни на один из них. В частности, в вопросе о том, какие критерии асимметрии выходят за рамки военно-стратегических (ресурсов, тактик и т.д.) и статусных параметров, автор ограничивается повторением того, к чему мировая научная и военная мысль пришла, мягко говоря, уже некоторое время назад – то есть тезисом о необходимости перейти к более многофакторному анализу асимметрии (с. 216). Очередное фиксирование того, что асимметричные конфликты – это «уравнение со многими неизвестными», по-своему полезно, особенно для российского читателя. Однако сама по себе такая констатация не нова и не дотягивает до самостоятельной, содержательной *аналитической модели* асимметричного конфликта.

Как отмечалось выше, автору не удалось избежать и путаницы в теоретической постановке проблемы и трактовке асимметричных конфликтов, что ставит ряд дополнительных вопросов, например, по поводу интерпретации автором такой базовой категории, как «международный конфликт». Налицо противоречие между изначально декларируемым в книге пониманием асимметричных конфликтов как проблемы сугубо из области *международных отношений* и только с участием *великих держав* – и широким обращением автора к литературе и статистике по разным асимметричным конфликтам, включая не-международные, а также ко всему комплексу литературы по партизанским войнам. Партизанские войны асимметричны по определению, однако вовсе не обязательно имеют отношение к *международным* конфликтам, то есть к заявленному тематическому фокусу книги. Значительное число партизанских кампаний ведутся в рамках конфликтов, которые не только не являются *международными* в межгосударственном смысле, но даже не включают интернационализацию внутривнутриполитического конфликта (вмешательство иностранных государств в ход внутреннего конфликта на стороне одного из комбатантов).

Проводя обзор литературы, автор также нередко смешивает и использует как почти взаимозаменяемые понятия «асимметричный конфликт», «малая война» и «гражданская война». Повторю, что хотя большинство гражданских войн носят характер партизанской войны, *далеко не все конфликты внутри государства асимметричны*. Автор признает, что конфликт между равными по статусу игроками может быть симметричным, но почему-то только для конфликтов между государствами (с. 73). Между тем в послевоенной истории существуют примеры даже очень масштабных гражданских войн, которые, при крайней условности статусного критерия, активно оспариваемого противниками, были вполне симметричны по военно-силовому потенциалу сторон (например, вооруженный конфликт между коммунистами и Гоминьданом в Китае). И это не говоря уже о конфликтах внутри государства, но без участия государства или в отсутствие функционального правительства (например, между конкурирующими группировками моджахедов в Афганистане первой половины 1990-х гг. или между различными вооруженными группировками в Дарфуре (Судан) или в Сомали в 2000-е гг.).

Недостатки работы, впрочем, никак не умаляют ее бесспорной научной, прежде всего, историографической ценности. Книга Л. Дериглазовой свидетельствует не только о том, что степень знакомства с мировой научной литературой, военно-политической мыслью

и статистикой в российской университетской среде, в том числе в *ведущих провинциальных университетах*, может быть весьма высока. Не менее, а более важна продемонстрированная Л. Дериглазовой способность к трезвому критическому разбору, а не просто суммированию или популяризации западной научной, прикладной и специальной литературы. В солидной историографической и статистической основе работы заключается и ее главная новизна для российского читателя. В этом смысле, при том, что книга, очевидно, замыслена и написана как монография, она представляет собой ценное учебное пособие, которое я рекомендовала бы не только вниманию гражданских, в том числе академических, коллег, но и для использования в учебных курсах в военных академиях и в системе подготовки специалистов для работы в структурах безопасности. 🐘

Примечания

¹ Mack A. Why big nations loose small wars: the politics of asymmetric conflict. *World Politics*. 1975. V. 27. № 2. P. 175–200.

² В рамках основных баз данных по конфликтам антиколониальные войны обычно не относят ни к строго межгосударственным, ни к внутривнутриполитическим конфликтам (гражданским войнам) и выделяют их в особую категорию. См., например, UCDP/PRIO Armed Conflict Dataset Codebook. Version 4–2007. Uppsala; Oslo: UCDP/PRIO. 2007. P. 10.

³ Командующий войсками США в Ираке (январь 2007 г. – сентябрь 2008 г.) и в Афганистане (с июля 2010 г.) Д. Петрэуз является основным автором новой версии контрповстанческой стратегии США: *The U.S. Army–Marine Corps Counterinsurgency Field Manual*. Chicago: The University of Chicago Press. 2007. См. также Nagl J. *Learning to Eat Soup with a Knife: Counterinsurgency Lessons from Malaya and Vietnam*. Chicago: The University of Chicago Press. 2002.

⁴ Thompson R. Op. cit. Альтернативой этой стратегии является апологетика жестко милитаризованного подхода, включающего карательные меры против населения, поддерживающего противника. См. Trinquier P. Op. cit.

⁵ *The U.S. Army–Marine Corps Counterinsurgency Field Manual*. Op. cit.

⁶ Прежде всего, данных УПК/СИПРИ по крупным вооруженным конфликтам в главах по конфликтам в русскоязычном издании Ежегодника Стокгольмского международного института проблема мира (СИПРИ) – партнера Уппсальской программы данных по конфликтам.

⁷ См. график: *Armed conflicts by type, 1946–2009*. UCDP. http://www.pcr.uu.se/digitalAssets/20/20864_conflict_types_2009.pdf (последнее посещение – 12 марта 2011 г.).

⁸ *Non-State Conflict Dataset, 2002–2007* / UCDP. http://www.pcr.uu.se/research/ucdp/datasets/datasets+_archive/ (последнее посещение – 12 марта 2011 г.); готовится обновление и добавление данных за период с 1989 по 2008 гг.: см. http://www.pcr.uu.se/digitalAssets/41/41526_non_state_region_2008.pdf (последнее посещение – 12 марта 2011 г.); UCDP *Non-State Actor Dataset Codebook. Version 1–2009*. Uppsala: UCDP. 2009; Harbom L., Wallensteen P. *Patterns of major armed conflicts, 1998–2007*. *SIPRI Yearbook 2008*. Oxford: Oxford University Press. 2008. P. 79.

⁹ UCDP *One-sided Violence Dataset v 1.3–2010, 1989–2008* http://www.pcr.uu.se/research/ucdp/datasets/datasets+_archive/ (последнее посещение – 12 марта 2011 г.); Sundberg, *Revisiting One-Sided Violence: A Global and Regional Analysis*. Uppsala Conflict Data Program (UCDP) Paper no. 3. Uppsala: UCDP. 2009. P. 14; Eck, Hultman. Eck K., Hultman L. *One-sided violence against civilians in war: insights from new fatality data*. *Journal of Peace Research*. March 2007. V. 44. № 2. P. 237.

¹⁰ Подробнее обзор и критику баз данных по конфликтам и другим формам вооруженного насилия см., например: Степанова Е.А. *Государство и человек в современных конфликтах. Международные Процессы*. 2008. № 1. С. 29–40; Степанова Е.А. *Глобальные тенденции в развитии современных вооруженных конфликтов. Union Magazine (спецвыпуск к Ярославскому саммиту по глобальной безопасности)*. 2009. № 1. С. 40–53.